

СОВЕТСКИЙ ИЗВОД И КИТАЙСКИЙ ИСХОД АМУРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Пушкарев Владимир Анатольевич, к.и.н.

Амур – пограничная река между Россией и Китаем, для охраны которой в XIX веке было образовано Амурское казачье войско, в XX веке стала границей, разделившей уже самих казаков.

Раскол в среде амурского казачества обозначился весной 1917 году. Тогда II войсковой круг¹ (21.03-22.04.1917) поставил вопрос об упразднении войска и всего казачьего сословия. Причем, если для одних казаков расказачивание сводилось к упразднению обременительных повинностей, то для других – к полному отказу от сословной обособленности. Поскольку мнения делегатов по столь важному вопросу разделились поровну, он был вынесен на широкое обсуждение в войске.

В целом амурское казачество не желало возвращаться к старым порядкам царской России. Но если большинство амурских станичников обратило свои чаяния к предстоящему Учредительному собранию, то в другой части войска (в основном в среде разагитированных фронтовиков) стали широко распространяться радикальные настроения.

Октябрьский переворот усугубил этот раскол. Войсковое правление во главе с атаманом И.М. Гамовым осудило захват власти большевиками. В то же время фронтовики, уставшие от войны, с воодушевлением встретили большевистские декреты о мире и демобилизации. В самом конце января казачьи полки в полном боевом составе вернулись в Приамурье.

К этому времени здесь уже произошло размежевание основных политических сил на два лагеря, затронувшее, в том числе и амурское казачество. Но при этом основная масса казаков относилась к колеблющейся середине, переходившей на ту или иную сторону в зависимости от конкретных исторических условий. Ярким свидетельством этого являлись созываемые через небольшие отрезки времени войсковые круги, решения которых кардинально противопоставлялись.

В 1918-1920 гг. в Амурской области трижды сменялись политические режимы, и каждый раз в этих переворотах ключевую роль играло казачество. Весной 1918 г. когда вся страна была охвачена «триумфальным шествием советской власти», амурские казаки (за исключением верных Гамову частей) не стали ему препятствовать. Когда же осенью повсеместно поднялось Белое движение, и начались его первые победы, советская власть в Приамурье была свергнута казачьими шашками. 1919 г. для амурского казачества стал временем серьёзных колебаний. Но уже в начале 1920 г., когда исход борьбы стал очевидным, советская власть была восстановлена в казачьих казармах.

Окончательно вопрос о судьбе амурского казачества был решён на VIII съезде трудящихся Амурской области (27.03-21.04.1920), который принял предложение делегатов-казаков о ликвидации АКВ. Круг постановил все станичные округа переименовать в волости и название «казак» впредь не упоминать². Такое решение полностью соответствовало постановлениям первого

всероссийского съезда трудовых казаков (29.02–06.03.1920), взявшего однозначный курс на расказачивание.

Однако в полной мере решить казачий вопрос в одночасье не представлялось возможным. В казачьих селениях ещё сохранялся своеобразный хозяйственный уклад, сильны были культурные казачьи традиции. Поэтому большевистская политика расказачивания растянулась на два десятилетия, принимая на разных этапах различные формы: от мягкой советизации до жестокого террора.

В начале 1920-х гг. у амурских казаков ещё сохранялась старая административно-хозяйственная структура и даже возникали новые посёлки. По сельскохозяйственной переписи 1923 г. в Амурской губернии проживало 59 тыс. бывших казаков³. Таким образом, в отличие от многих казачьих областей России, в Приамурье не произошло существенного сокращения населения в казачьей полосе. Напротив, оно продолжало уверенно расти. При этом амурское казачество стремительно утрачивало свою сословную замкнутость, так как начавшееся в этом же году районирование вело к объединению казачьих и крестьянских поселений.

Схожим становилось и экономическое положение казачества и крестьянства. К 1923 г. казачьи дворы сравнились с крестьянскими по количеству посева (5,2 десятины на 1 хозяйство), уменьшился отрыв казаков в обеспеченности скотом. В целом же в обеих группах в результате гражданской войны произошло резкое ослабление хозяйственной мощности почти по всем показателям.

В таких условиях грубая налоговая политика, начатая большевиками сразу же после ликвидации ДВР, вызвала в амурской деревне резкое недовольство. В январе 1924 г. оно вылилось в Зазейское восстание, охватившее почти все развитые сельскохозяйственные волости Благовещенского уезда. Общая численность повстанцев достигала 5 тысяч. Многие казаки наряду с крестьянами приняли участие в Зазейском восстании, а после его подавления были вынуждены эмигрировать.

23-30 апреля 1925 г. в Москве проходил пленум ЦК РКП(б), который поставил задачу решительного привлечения широких казачьих слоёв к советскому строительству. При этом совершенно недопустимым называлось применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций⁴.

Это вовсе не означало, что руководством страны был взят курс на частичную реставрацию старого казачества. Напротив, партия стремилась расширить советскую базу среди казачества, добиться его фактического уравнивания с крестьянством в политической, экономической и культурной жизни. Одновременно с этим намеренно углублялось расслоение внутри самого казачества. Фактически апрельский пленум 1925 г. означал переход политики расказачивания в более мягкую и даже скрытую фазу.

Резолюция апрельского пленума стала программой деятельности партийных организаций казачьих районов вплоть до проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства. Для реализации этой программы необходимо было обстоятельно изучить положение казачества на местах и подготовить соответствующие доклады.

Как показывает анализ этих документов, в целом амурские казаки смирились с советской властью и новыми историческими реалиями. Лишь среди зажиточной и мощной середняцкой части имелось кое-где скрытое, затаённое недовольство. Большая же часть казаков была готова к совместной работе в условиях существующего строя.

В соответствии с намеченной апрельским пленумом программой амурские казаки активно привлекались к формированию местных советов, в казачьих селениях развернулась культурно-просветительская работа, началось вовлечение казачества в партию и комсомол. Причём, по сравнению с крестьянским населением казачество, имевшее устойчивые традиции общественного самоуправления, активнее участвовало в организации и укреплении сельсоветов, кресткомов и культурно-просветительских учреждений.

Важнейшей и наиболее сложной задачей в решении казачьего вопроса было оперативное проведение землеустройства в амурской деревне, которое привело к уравниванию крестьянского и казачьего землепользования. В это же время в казачьей среде начала развиваться сельскохозяйственная кооперация – опять-таки более интенсивно, чем у крестьян.

При этом для обеих социальных групп было характерно внутреннее социальное расслоение. Но в политическом отношении оно преломлялось по-разному. Тогда как в крестьянских сёлах наблюдалась острая классовая рознь (беднота была враждебно настроена к кулачеству, претендуя на его собственность), у казаков по-прежнему сохранялось большое влияние войсковой верхушки. Расслоение в бывших станицах сглаживалось традицией прошлого, когда казачество являлось обособленной сословной группой, для которой были характерны солидарность и сплочённость.

Несмотря на все сложности к концу 1920-х гг. многие казачьи хозяйства окрепли и начали набирать экономическую мощь. Они то и стали жертвой сплошной коллективизации, которая положила конец социально-экономическому обособлению казачества в советском обществе. Казаки либо стали колхозниками, либо были раскулачены. В поисках лучшей доли многие ушли в город или бежали за рубеж. В результате массовых высылки, проводимых в это время, кардинально изменился социальный состав бывших казачьих селений.

Репрессии, направленные против бывших казаков осуществлялись не только в рамках борьбы с кулачеством. Местные органы госбезопасности по-прежнему продолжали видеть в них опасных врагов советской власти, ведущих подпольную контрреволюционную деятельность. Широкий размах репрессий в отношении амурского казачества был обусловлен его опытом военной организации и боевыми навыками. Ситуация усугублялась сложным приграничным положением региона: агрессивными планами Японии, оккупировавшей Маньчжурию и активностью засевшей за Амуром белой эмиграции.

В 1930-е гг. амурскими чекистами было вскрыто несколько «белоказачьих контрреволюционных организаций», участники которых были приговорены к высшей мере наказания или лагерному заключению. Так по одному только делу «Белоказачьей повстанческой организации» в 1938 г. проходило около 2000 человек, 1466 из которых были расстреляны⁵. Всем фигурантам

этого и подобных дел вменялись в вину связи с белоэмигрантскими штабами, шпионаж в пользу Японии, антисоветская пропаганда и повстанческая деятельность. Как позже выяснилось, все эти дела были сфабрикованы. В действительности же никакого вооруженного казачьего подполья в Приамурье не было.

В результате массовых репрессий к концу 1930-х гг. почти всё мужское взрослое население было уничтожено или выслано. Ещё около трёх тысяч амурских казаков (в основном – молодёжи) с началом Великой Отечественной войны отправились на фронт. Причём, многие из них были призваны не из старых казачьих районов, а из мест высылки и поселения. Некоторые казаки и вовсе уходили на фронт из тюрем и лагерей. По официальным данным среди 40 тыс. амурчан, погибших в Великой Отечественной войне числится 1176 потомственных казаков⁶. Таким образом, амурское казачество перестало существовать на советской территории как социально-политический и культурный субъект.

Трагичной была и судьба казаков-эмигрантов. Исход амурцев на китайский берег начался ещё в 1920 г. после установления советской власти в Приамурье. Вслед за Амурской областью осенью 1922 г. пало и белое Приморье – последний оплот антисоветских сил. Поэтому еще одна партия амурских казаков прибыла в Китай морским путём в составе дальневосточной казачьей группы генерала Ф.Л. Глебова. Провал Зазейского восстания в начале 1924 г. также пополнил приграничную казачью диаспору новыми беженцами. Бегство амурцев в Маньчжурию продолжалось и позднее, особенно в разгар коллективизации. Однако после того как в результате советско-китайского конфликта 1929 г. в СССР был ужесточён пограничный режим, массовая эмиграция стала уже невозможной.

Как правило, казаки долго не засиживались в маньчжурском Приамурье и перебирались в другие районы Китая. К началу 1930-х гг. на правобережье Амура оставалось всего около 500 русских беженцев⁷. Главным центром расселения амурских казаков стала Маньчжурия: город Харбин и станции по КВЖД. Также представители амурского войска селились в Шанхае, Тяньцзине и некоторых других городах и селениях.

Место и характер расселения казаков за границей определялись главным образом стремлением найти работу, улучшить материальные условия и возродить традиционный хозяйственный быт родных областей. В эмиграции, как и на родине, казаки занимались земледелием, скотоводством, различными промыслами. Амурцы, осевшие в городах осваивали самые разные профессии: шофёров, продавцов, конторских служащих. Некоторые казаки стали наёмниками в китайских армиях, либо продолжили партизанскую войну с советами в приграничье.

Помимо амурцев в дальневосточном зарубежье оказались представители всех казачьих войск России. Особенно много было забайкальцев и уссурийцев, уральских, сибирских и оренбургских казаков. По своему составу казачья эмиграция была неоднородной. Она отражала социальную структуру родных казачьих областей.

Тем не менее, все казаки, от рядового станичника до генерала, ощущали свою принадлежность к казачеству как к единому целому. Казачество являлось наиболее организованной частью дальневосточной эмиграции. Казаки не растворялись в массе русских эмигрантов, а проживали, как правило, обособленно, объединялись вокруг своих станичных и войсковых атаманов.

В числе первых зарубежных казачьих объединений была Амурская станица в Харбине, образованная в 1924 г. Харбинская станица добывала паспорта новым казакам-эмигрантам, по возможности оказывала им материальную помощь, устраивала их на службу или работу, помогала бедным учить детей в школе. Амурской казачьей станице принадлежала инициатива устройства в Харбине казачьих вечеров, которые приносили небольшие деньги.

Помимо Харбина, другим центром концентрации эмигрантского казачества стал город Шанхай. В 1925 г. здесь возникла ещё одна амурская станица. О шанхайской станице сохранилось значительно меньше сведений, чем об аналогичном объединении в Харбине. Тем не менее, материалы, находящиеся в нашем распоряжении, позволяют сделать вывод о высоком уровне самоорганизации амурцев в Шанхае. Тем более что в 1930-е гг. после оккупации Маньчжурии японцами, шанхайская станица пополнилась выходцами из Харбина.

Городские станицы Харбина и Шанхая, по сути, являлись общественными организациями земляческого типа. Но в Китае было также много подлинных станиц – компактных казачьих поселений, где воспроизводился традиционный хозяйственно-бытовой уклад. Они формировались не только по войсковому принципу, могли включать представителей разных войск.

Возрождение станиц и посёлков на чужбине способствовало дальнейшей консолидации казачества, рассеянного по всей планете в формате союзов. Это были крупные объединения, включавшие основную массу казаков определённого региона или страны пребывания. Союзы объединяли казаков из разных войск, независимо от их политических симпатий и пристрастий. Руководство, как правило, находилось в руках авторитетных лидеров казачьей эмиграции.

Первоначально казачьи станицы в Маньчжурии входили в состав Восточного казачьего союза. Однако в 1935 г. под нажимом Японской военной миссии Восточный казачий союз был закрыт. Казачьи станицы в Маньчжурии перешли под юрисдикцию Союза казаков на Дальнем Востоке (СКДВ). В Шанхае тоже существовал казачий союз (КСШ), образованный в апреле 1925 г. на основе объединения городских и окрестных станиц города.

После первых лет тяжёлой адаптации основной массе дальневосточного казачества благодаря усердию и организованности удалось найти собственное место по ту сторону Амура. При этом казаки стремились не только улучшить своё материальное положение. Вдали от родных областей остро стоял вопрос сохранения национальной самобытности. После крушения политических, экономических и других объединяющих основ главным центром духовного единения для эмигрантского казачества стала Православная Церковь.

Поскольку казаки в основном эмигрировали семьями, женщины составляли значительную долю в казачьем зарубежье. На казачек легла забота о воссоздании прежнего хозяйственного уклада, сохранении семейных традиций и духовности. Большую роль в жизни зарубежных станиц играли дамские

кружки, возглавляемые, как правило, жёнами станичных атаманов. Они успешно совмещали благотворительность с просветительской деятельностью.

Широкий размах у казаков-эмигрантов получило издательское дело. Печать была органом просвещения, средством коммуникации, а также основным источником информации о событиях, происходящих на родине. Амурские казаки стояли у истоков казачьей периодической печати в китайском зарубежье. В 1932-1933 гг. Харбинская станица выпустила три номера газеты «Амурский казак». Кроме того, периодически выходили издания, посвящённые трём дальневосточным войскам: Амурскому, Уссурийскому и Забайкальскому.

Большое значение уделялось воспитанию подрастающего поколения. В станицах казачат обучали верховой езде, стрельбе и джигитовке. Каждое воскресенье при СКДВ проходили занятия «Казачьей смены» - ребят в возрасте 8-14 лет. Здесь они проходили строевую подготовку, занимались гимнастикой, изучали историю казачьих войск, знакомились с подвигами великих русских людей.

Не все казаки сумели приспособиться к условиям мирной жизни в эмиграции. В 1920-е гг. в китайско-советском приграничье развернулось белое партизанское движение. Но в целом амурская эмиграция была слишком малочисленна и рассеяна на большом пространстве, что не позволяло проводить какие-либо значительные антисоветские акции. Время от времени лишь отдельные казачьи отряды пересекали границу, происходили мелкие стычки с красноармейцами.

Тем временем боевой опыт белоэмигрантов оказался востребован в условиях китайской гражданской войны. Многие казаки участвовали в качестве наёмников в китайской междоусобице в рядах различных вооружённых группировок и прежде всего – в так называемом «нечаевском отряде» (шаньдунский отряд маршала Чжан Цзучана).

Учитывая высокий процент казачества в русской диаспоре, его историческую организованность и военный потенциал, многие эмигрантские организации стремились распространить на казаков своё влияние. Наиболее активно эта линия прослеживалась в деятельности Российской фашистской партии. Однако фашистам не удалось сколько-нибудь значительно привлечь казачество в свою организацию.

В эмигрантской среде неоднократно поднимался вопрос об объединении усилий союзов и создании на их основе единой казачьей организации. Однако чрезмерные амбиции отдельных казачьих лидеров и серьёзные противоречия, разъедавшие казачью элиту, делали невозможным процесс дальнейшей интеграции эмигрантского казачества. В 1930-е гг. в ситуацию вмешалась Япония, которая, начав «борьбу за Великую Азию», рассматривала русских казаков-эмигрантов как хороший военный резерв для осуществления своих агрессивных планов.

Некоторые казаки поддерживали захватнические планы японских военных кругов, увязывая своё возвращение домой с поражением советского народа в будущей войне. Значительная же часть рядовой казачьей массы была далека от активной политической жизни, занятая больше своими бытовыми проблемами, и не проявляла особой активности в борьбе с большевизмом.

В тоже время под влиянием происходивших в СССР событий и его признанием на международной арене менялось политическое сознание зарубежного казачества в сторону постепенного принятия советской власти. Вторая мировая война усилила раскол эмиграции на сторонников поражения «совдепии» и оборонцев, проявлявших сочувствие к соотечественникам в их борьбе с агрессорами.

С окончанием войны русская колония в Китае прекратила своё существование. После прихода в Маньчжурию советских войск все эмигрантские организации закрылись, а их члены либо были репатриированы в СССР, либо вновь предались бегству. Новые потоки казаков-эмигрантов устремились в Австралию, Канаду, Аргентину и другие страны Латинской Америки. Амурская казачья общность прекратила своё существование в компактном эмигрантском формате.

Итак, амурское казачество разделило судьбу своего сословия и всего русского народа. Утратившее свой сословный статус в результате революции, расколотое надвое в ходе гражданской войны, оно трансформировалось в новые исторические формы. Причём, эта социальная трансформация давалась нелегко как советскому, так и эмигрантскому казачеству.

Казакам, оставшимся в родных селениях, предстояло забыть о былой самобытности и полностью раствориться в советском крестьянстве либо пополнить ряды пролетариата. Какие бы уклоны не преобладали в линии партии, курс большевиков на расказачивание оставался неизменным. Время от времени менялись лишь методы реализации намеченной цели.

Амурцы, ушедшие в Китай, напротив, имели уникальную возможность частичного сохранения своей войсковой организации, воспроизведения традиционного хозяйственного уклада, поддерживания самобытной казачьей культуры. Однако в чужом цивилизационном пространстве, в условиях полного отрыва от исторической Родины эмигрантская казачья общность по сути являлась лишь реликтовой формой бывшего войска.

В 1920-1945-е гг. обе ветви некогда единого амурского казачества существовали в неестественных для него социально-экономических и политических условиях. Фактически это было время дожития старого поколения – выходцев из Амурского казачьего войска. Их дети – ровесники революции, а уж тем более уроженцы советской деревни и зарубежных станиц были казаками лишь по названию, да и то многие предпочитали считать себя крестьянами. Не имея реальной исторической перспективы, к середине XX века амурское казачество исчезло как особая социокультурная общность.

¹ Первым кругом принято считать революционный съезд амурского казачества (15.12.1905-21.01.1906), разогнанный правительственными войсками.

² ГААО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 171. Л. 9-10.

³ Чиликин Ф. К вопросу о положении сельского хозяйства населения бывшего Амурского казачьего войска // Экономическая жизнь Амура. 1925. № 3-4. С. 81-82.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 3. М., 1984. С. 349-350.

⁵ Титлина Е.Ю. Власть и казачество Дальнего Востока (взаимоотношения Российского государства и дальневосточного казачества в период с 50-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в.). Благовещенск, 2006. С. 106.

⁶ Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX-XX вв.: Сборник статей и публикаций. Благовещенск, 2004. С. 105.

⁷ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.